

4 Россия БЛОКО

Как победить терроризм

Александр ТАРАСОВ

В XX веке терроризм стал головной болью всего мирового сообщества. Из чужого опыта известно, что эту проблему силовыми методами решить нельзя. Силовым путем терроризм можно победить, только если вы готовы на установление в стране фашистской диктатуры, либо если террористы оказываются микроскопической группой.

Во всех остальных случаях, если терроризм сходил на нет, то потому, что террористические движения разваливались, или, наоборот, они побеждали правительство (и назывались уже не "террористическими", а "партизанскими", "освободительными" и т.п.). Израдка властям удавалось договориться с террористами, иногда исчезали причины, порождавшие террористические движения. Например, Италия после II Мировой войны сталкивалась с тремя террористическими кампаниями: с волной террора тирольских сепаратистов, с нефашистским террором и с левым террором. Тирольские террористы прекратили свою деятельность после того, как их руководство, находившееся в ФРГ, договорилось о прекращении вооруженной борьбы и административно-территориальной реформе в Италии (районы с немаловажным меньшинством были объединены в область, где тирольский капитал занял преобладающие позиции). Нефашистский террор, организованный в Италии итальянскими же спецслужбами, по указанию тех же самых спецслужб и был прекращен. Левый террор сошел на нет из-за того, что христианские демократы утратили монополию на власть. И тогда говорят, что итальянские правоохранительные органы "победили" "Красные бригады" и другие организации левого вооруженного подполья, то все это — чистая пропаганда. Арестовано было свыше 6 тыс. человек, причастных к вооруженному левому подполью, в то время как только в "Красные бригады" входило не менее 25 тыс. человек (не все из них стреляли, многие обещивали явки, оружие, транспорт, документы, финансирование). Подавляющее большинство этих людей до сих пор не известно итальянским правоохранительным органам — и многие подозревают, что эти люди сегодня в Италии занимают важные посты, вплоть до министерских (во всяком случае, именно с такими обвинениями выступила правая пресса — за известной итальянской террористкой Сильвией Баральдини, освобожденной из тюрьмы в США, был прислан правительственный самолет, а в аэропорту в Риме ее встречал министр юстиции Оливiero Диллиберто). Говоря иначе, левое террористическое подполье в Италии прекратило вооруженную борьбу, так как оказалось вовлечено в легальный политический процесс, позволивший ему на равных участвовать в соревновании за власть.

В России же мы имеем дело скорее не с терроризмом, а с диверсионной войной, начавшейся одновременно с войной в Дагестане. К диверсиям — в больших или меньших масштабах — всегда прибегали все воюющие стороны.

Эту проблему тоже не решить чисто силовыми методами. До той поры, пока у диверсантов будет тыловая база, своя территория (в данном случае — Чечня), предотвращение диверсий гарантировать никто не может. К тому же до тех пор, пока диверсанты не арестованы, не осуждены и на суде не доказана их прямая связь с чеченскими религиозными радикалами, нет никаких гарантий, что взрывы в Москве произведены по указанию из Чечни, а не, скажем, из Кремля, как утверждают некоторые газеты.

Если мы имеем дело с чеченскими диверсантами, то придется изучать опыт Израиля. Израильское правительство десятилетиями называло "террористическими" диверсионные акты палестинских партизан, именовало ООП "террористической организацией" и пыталось решить проблему военным путем. До той поры, пока у палестинцев оставалась тыловая база — по сути, весь арабский мир, — остановить партизанскую войну (в ходе которой израильтяне потеряли в 3 раза больше людей, чем во всех обычных войнах) не удалось. Проблема была решена соглашением с ООП о создании палестинской автономии.

После этого (если не считать религиозных фундаменталистов из ХАМАС, с которыми израильтяне борются достаточно успешно) у Израиля осталась лишь одна крупная проблема: шпитские боевики движений "Хезболла" и "Амаль", базирующиеся в Ливане. Пока что Израиль пытается решить эту проблему "традиционными" методами, нанося артиллерийские и авиаудары по ливанской территории и удерживая "зону безопасности" на юге Ливана. Однако прекратить диверсионную деятельность шпитских боевиков, добивающихся своего возвращения в Южный Ливан, таким образом не удается и в обозримом будущем Израилю не удастся.

Едва ли и Россия решит проблему авиаударами по Чечне и созданием вокруг нее "санитарного кордона". Глубинная причина сегодняшнего чеченского терроризма — в предыдущей политике Кремля, а значит и устранение его требует тонкой и осмысленной кавказской политики.

Вот так приезжих с Кавказа "регистрируют" уже на вокзале.

РЕЙТЕР / ГЛАС СТОУНХИ

РЕЙТЕР / ГЛАС СТОУНХИ

Лидер террористов — не обязательно небритый боевик с автоматом в руках вроде Шамиля Басаева или Амира Хаттаба. Им вполне может быть даже глава суверенного государства. Яркий пример — Муамар Каддафи.

Российская душа после взрывов

Изменения в общественном сознании россиян комментирует Рейнальдо ПЕРЕС ЛОВЕЛЛЕ, доктор психологических наук, профессор, специалист по фобиям

— Какие психологические перемены произошли среди жителей России после терактов в Буйнакске, Москве и Волгодонске?

— Человеческие жертвы — это всегда большая трагедия. Но страшный парадокс заключается в том, что именно в результате этих взрывов в российском обществе произошла важная перемена, которая давно ожидалась и предсказывалась. А именно — сплочение народа против внешней угрозы. Во взорванных зданиях жили и русские, и евреи, и татары, и даже кавказцы. Мне кажется, впервые после того, как рухнула советская власть, все эти люди, представители разных наций, стали чувствовать себя принадлежащими к одному народу. Советская власть искусственно собирала людей в некие социальные структуры и общности — "советский человек", "член партии". И когда эти искусственности исчезли, многие вообще перестали ощущать себя как-то связанными с окружающим обществом. А вместо советских шаблонов очень долгое время не было ничего. И только теперь, кажется, стало появляться.

— Людей спланивает страх перед "лицами кавказской национальности"?

— Я не чувствую большой этической ненависти к кавказцам. У меня, кубинца по происхождению, внешность вполне "кавказская", но я не ощущаю на улице по отношению к себе никаких отрицательных эмоций.

— А что касается чеченцев — произошли ли со временем первой чеченской войны изменения в их общественном сознании?

— Конечно. Например, с огромным изумлением я наблюдаю бегство населения из Чечни. Едва чеченские боевики стали проигрывать войну, простые чеченские граждане побежали в Россию. Это значит, народ Чечни перестал доверять официальным и неофициальным чеченским властям. Это значит, они не верят в свою защищенность. И не верят в свое будущее внутри Чеченской республики. И в конце концов — не верят в победу своих. Ибо если бы они в нее верили, они бы никуда не уходили. В начале 60-х годов ядерные ракеты США были направлены на Кубу. И в этот момент местные кубинцы, которые жили в США, специально вернулись на родину, желая показать, что они готовы воевать и стоять до последнего. Причем вернулись все — и мужчины, и женщины, и дети. Де Голль говорил — когда весь народ поднимается на защиту своей государственности, никакая военная сила не сможет его подавить. С другой стороны, я абсолютно уверен: если российским войскам начать широкую масштабную наземную операцию, эти же самые простые чеченцы встанут на защиту своих домов. И опять будут воевать против России, с огромными жертвами с обеих сторон. Дай Бог, чтобы этого не случилось.

— Как вы выбрали профессию специалиста по военно-политическим проблемам?
— Чувствовали ли вы себя в студенческие времена представителем "золотой молодежи"?

— В семье рассматривались два варианта моей карьеры. Первый — врач: у нас близкий родственник был прекрасным хирургом. Второй — архитектор, потому что тоже был родственник-архитектор, покойный академик Чечулин. Кстати, одно из его творений — Белый дом. Но где-то к концу школы выяснилось, что ни в той, ни в другой сфере необыкновенных талантов у меня нет. Однажды мы говорили об этом с отцом, и он сказал: "Раз у тебя нет никаких особых талантов — иди в МГИМО. МГИМО даст тебе широкое гуманитарное образование плюс языки, и у тебя появится несколько лет, чтобы определиться." Это не значит, что он давил на меня. Он был либерал, к тому же всегда настолько занят, что ему было не до того. И только когда я начал учиться в МГИМО, возник интерес к предмету учебы, причем не только в целом к международным отношениям, но и к очень специфическим сферам. Военно-стратегические исследования — та сфера гуманитарных наук, которая к точной науке ближе всего. Она меня этим и привлекла. Например, вы можете встретить двух классовых политологов, специалистов по Китаю. Один вам докажет, что Китай — наш перспективный союзник. Другой, что эта страна — наша главная опасность. Опровергнуть друг друга они не смогут, и если у вас нет своего мнения, вы из их доводов своих выводов не сделаете. Но если вы встретите двух специалистов по СНГ-2, и у вас хватит терпения их выслушать, вы сможете сделать вполне конкретные выводы. Потому что есть точные доказательства, основанные на расчетах, технических характеристиках.

— Что увело вас из науки в политику, в ЯБЛОКО?
— Находите ли сейчас время для отдыха?

— Для меня уход в политику был нелегким выбором. И хотя я стараюсь держать свои эмоции под контролем, нескольких бессонных ночей обдумывание этого шага мне стоило. А появились три момента. Первый — Григорий Явлинский. Мы где-то в начале 93-го года пересеклись с ним как эксперты. И у нас сразу возник контакт и взаимное доверие. А потом, когда произошли события осени 93-го, он вдруг мне позвонил и сказал — мы идем на выборы, пойдешь с нами? И мне показалось, что в той ситуации отказаться — все равно что показать чрезмерную заботу о собственном благополучии... Второй момент состоялся вот в чем. Кровавая баня осени 93-го подтолкнула меня к тому, что больше уже нельзя сидеть в стороне и ни на что не влиять. А третий — у меня слишком гладко складывалась научная карьера в Академии наук. Впереди была спокойная и предсказуемая дорога. А мне захотелось сменить обстановку, хотя я и сейчас не порываю с наукой, а во многом на нее опираюсь в моей нынешней деятельности.

— Я не верю, что даже у очень занятого человека, при такой организации своей жизни, может не быть возможности иметь досуг. У меня две работы, одна — в Государственной Думе, другая — на подставках

Наказание не должно быть нескончаемым, иначе оно становится приглашением к новой волне насилия. Ведь решение проблемы все равно будет не военным, а политическим.

Алексей АРБАТОВ

Алексею Георгиевичу АРБАТОВУ 48 лет. Выпускник Московского государственного института международных отношений. С 1973-го года — сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Научная деятельность касается широкого круга проблем военной политики, разоружения, международной безопасности. В 1992-м году создал свой независимый Центр геополитических и военных прогнозов, которым руководит и в настоящее время. Центр оказывает аналитическую поддержку Государственной Думе и Совету Федерации, МИД и Министерству обороны. С 1994-го года — депутат Государственной думы в составе фракции "ЯБЛОКО". С 1996-го года — заместитель председателя думского Комитета по обороне. Доктор исторических наук. Женат, имеет взрослую дочь.

Алексей АРБАТОВ: Чечню надо брать измором

м по положению. Компании складывались на совершенно других основах — по характеру, нравственным нормам и ценностям. Даже сейчас мои самые близкие друзья — в основном, люди из тех первых стройотрядов. Молодость у меня была, конечно, свободная, интересная, бурная, но она не проходила на дачах в бесперывной пьянке. Хотя поддать, конечно, мы всегда были не дураки.

— Ваша оценка прошедшей военной операции в Дагестане.
— Чем дагестанская война отличалась от всех других конфликтов в "горячих точках", в которых вам удалось побывать?
— Ваше отношение к созданию "санитарного кордона" вокруг Чечни и к нынешним ракетно-бомбовым ударам по ее территории.

— В отличие от первой чеченской войны 94-96-го годов, ситуация в Дагестане была принципиально иной. Имела место ярко выраженная агрессия против России. Сами дагестанцы восприняли наше наступление как прямое оскорбление, и поддержали наши войска. Для солдата именно это — самое важное, а кроме того — уверенность, что тебе в спину никто не выстрелит. В таких условиях наш солдат может перенести многое. Если бы не это — был бы новый чеченский кошмар, и потери в десять раз больше. Но посмотрите: за месяц боев вокруг трех скопленных деревьев мы потеряли более 250 человек убитыми и 800 — ранеными. Только среди федеральных войск. Боевые действия опять велись по советскому принципу — брать числом, а не умением. Связи почти никакой — значит, свои же бьют по своим, подразделения не встречаются там, где планировалось. Кроме нормальных связи, например, нет керосина. А

значит, нет боевой подготовки летчиков — отсюда удары по собственным же войскам, и дагестанскому ополчению, и это не вина летчиков, а их беда.

Характерный признак этой войны — и у солдат, и у ополченцев резиновые медицинские жгуты: или на приклад автомата накручены, или жгутом связаны два магазина. Потому что идет снайперская война. Вооруженные импортным швейцарским оружием бандиты бьют прицельно на два с половиной километра. Иногда убивают сразу, если целенаправленно отстреливают офицеров. Иногда специально ранят, чтобы еще человек десять перебить, когда те будут пытаться вытащить раненого. Английские винтовки — двенадцать миллиметров калибр. Раны — страшные. Если не убили сразу, умираешь от быстрой потери крови. Поэтому у всех жгуты, чтобы до того, как настанет болевой шок, успеть пережать артерию. В некоторых районах до половины потерь были от снайперов...

— Теперь, после ужасающих терактов в Москве, общество решило, что пора гадину раздвинуть. Но как это сделать? Одна линия поведения — закрыть Чечню полностью, чтобы не было вылазок через границу, и, при необходимости, в ответ на теракты и нападения наносить удары. Взять их измором. Есть и другая линия: насколько я могу судить, наши военные склонны сейчас именно к ней. А именно — наземная операция. Конечно, не для полного захвата Чечни и наведения там "конституционного порядка" — слава богу, военные наши на Кавказе уже кое-чему научились. Резон простой — если выйти к Тереку, то появляется длинный естественный рубеж для обороны от чеченских набегов. А при удачном раскладе войска можно двинуть и дальше, заперев бандитов в горах. Но весь этот вариант может обернуться большой бедой.

Во-первых, потери могут быть огромными. Мы лишимся важнейшего фактора, который присутствовал в Дагестане — подлерный естественный населения. Все остальные обстоятельства — подготовка солдат, наличие техники, квалификация командиров — не дают гарантии эффективного проведения операции. А между тем, Чечню вполне можно плотно изолировать, и "санитарный кордон" может быть очень эффективной мерой. Например, по южной границе Таджикистана группа российских погранвойск при поддержке 201-й дивизии оборудовали практически непроницаемую границу. Строятся специальные сооружения, за спиной пограничников выставляются мобильные отряды огневой поддержки, перед границей — зона, свободная для огня, обстреливается все живое. В горах ведь не проводится контрольно-следовая полосо. В горах — посты, система разведки и минные поля.

Продолжение бомбардировок может быть оправдано только в том случае, если мы планируем наземную операцию. В любой войне, даже самой бесчеловечной, есть своя динамика, своя, если хотите, очерченность. Да, они сделали свой ход, совершили боевые вылазки и ужасные теракты. Мы, пусть и с большими потерями, но все-таки разгромили их группировку в Дагестане, а потом нанесли бомбовые удары. Все. Теперь надо бы сделать паузу, начать переговоры с позиции силы. Если же мы будем просто продолжать бомбежки, они совершат новую серию терактов — теперь уже в ответ на наши бомбардировки. Наказание не должно быть нескончаемым, иначе оно становится приглашением к новой волне насилия. Ведь, в конце концов, решение проблемы все равно будет не военным, а политическим — то есть на основе соглашения.

Беседовали Андрей ЛИПСКИЙ, Михаил РЫБЬЯНОВ.

Зачем Конституция, когда есть милиция?

Светлана ГАННУШКИНА
Председатель комитета "Гражданское содействие"

Сейчас много пишут и говорят о беспрецедентной акции московских властей по перерегистрации и возможной высылке из столицы значительного количества приезжих. Предпринятая после взрывов жилых домов на Урьяновской улице и Каширском шоссе, эта акция, на самом деле, является логическим продолжением политики борьбы с приезжими, прежде всего с Кавказа, которую упорно проводит столичная мэрия.

Сейчас издано распоряжение мэра №1007, которым предписывается проводить перерегистрацию, при этом милиция дано право выяснять, зачем люди в городе. Но это не ее дело! Законом о свободе передвижения и постановлением Конституционного суда от 2 февраля 1998 года было констатировано, что у нас прощиски нет, а регистрация носит уведомительный харак-

тер. Сегодня же проводится перерегистрация, во время которой решают: кого перерегистрировать, а кого нет. Я уже видела письменные отказы, в которых написано: "Нет оснований для пребывания в Москве". Кто позволил милиции выносить такие решения? А от начальников паспортных столов слышим: у нас есть инструкция не регистрировать кавказцев и в первую очередь чеченцев.

В правоохранительные организации приходят люди, работавшие в правительстве Завгаева, бежавшие из негласного режима — люди, которым нет хода обратно. Им в милиции объявляют: ваша регистрация аннулирована, извольте в три дня убраться. Поскольку выполнить это невозможно, мэские распоряжения становятся источником незаконных доходов недобросовестных милиционеров.

Можно почти достоверно сказать, что милиция подкладывает кавказцам наркотики. Трудно себе представить, чтобы нормальный человек, который женат на москвичке, у которого здесь ребенок, пойдет на

перерегистрацию, имея в кармане 0,3 грамма наркотика. Но после одного — двухчасового пребывания в милиции у него "вдруг" обнаруживают наркотик и задерживают его на этом основании. А затем, под давлением общественников, поднимающих на ноги милицейское начальство, отпускают под залог. Но тут же, в трех шагах от отделения, тот же милиционер, что "нашел" у него наркотик, арестовывает его за "нарушение общественного порядка". Это как понимать?

Нельзя думать, что эти меры властей защищают москвичей от терроризма. Разве что создается паника, милиция занимается не поимкой преступников, а перерегистрацией и изгнанием чеченцев.

Каков смысл регистрации? Чтобы милиция представляла, кто где реально находится. Теперь у нас регистрация отсутствует у большинства приезжих, и смысл ее потерян. Мы заинтересованы в том, чтобы каждый приезжий регистрировался, а не в том, чтобы ему это запрещали. В Москве в школу берут только детей, чьи родители

зарегистрированы. Нам надо, чтобы 12-15-летние ребята шлылись по улицам? Им не дают медицинские полисы. Нам нужны злдемлики из-за того, что детям не делают прививки без полисов? Без регистрации людей нельзя брать на работу. Но у меня все равно работает чеченка, получает 100 долларов, и каждый месяц я, как работодатель, плачу в бюджет за нее 38 долларов. Нужно, чтобы я нашла способ платить ей "левый" образом, а бюджет не получал бы ничего? В чем смысл решения городских властей? Оставить город без налогов? Без отчисления в пенсионные фонды и фонды медицинского страхования? Ведь сейчас организуются противозаконные артели, где процветает чуть ли не рабский труд, а какой-то босс кому-то платит и за это получает право использования труда этих людей? Трудные ниши, которые не заполняются москвичами, все равно будут заполнены приезжими.

Но не хотят понять всего этого в московской мэрии.